

К ОБОСНОВАНИЮ ЛИЧНОСТНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Елена Харитоновна, Роман Чайковский
(Магадан, Россия)

У статті з психолінгвістичного погляду розглядаються особистісно-обумовлені стратегії в сфері художнього перекладу й асоціативні форми відображення долі репресованих перекладачів у перекладених ними текстах. Дослідження проводиться на матеріалі перекладів вірша Р.М. Рільке “Пантера” на російську й українську мови.

Ключові слова: асоціація, особа перекладача, психолінгвістичні аспекти перекладу, стратегії перекладу, доля перекладача, тоталітаризм.

В статье с психолінгвістической точки зрения рассматриваются личностно-обусловленные стратегии в сфере художественного перевода и ассоциативные формы отражения судьбы репрессированных переводчиков в выполненных ими переводных текстах. Исследование проводится на материале переводов стихотворения Р.М. Рильке “Пантера” на русский и украинский языки.

Ключевые слова: ассоциация, личность переводчика, психолінгвістические аспекты перевода, стратегии перевода, судьба переводчика, тоталітаризм.

Personally determined translators' strategies in the sphere of fiction translation are analyzed in the article from the psycholinguistic point of view. The authors also examine associative forms of reflecting fates of the translators who were subjected to repressions in the translations done by them. The research is conducted on the material of the translations of R. M. Rilke's poem “The Panther” into Russian and Ukrainian.

Key words: association, translator's personality, psycholinguistic aspects of translation, translation strategies, translator's fate, totalitarianism.

Постановка проблеми. Личностно-обусловленные стратегии переводчиков, ставших жертвами репрессий, могут находить в сфере художественного перевода то или иное ассоциативное отражение, не зависящее от воли переводчика. Подобные случаи ассоциативных связей между судьбой переводчика и выполненными им переводами можно обнаружить на основе психолінгвістического анализа их переводческой продукции.

Актуальность изучаемой темы определяются отсутствием в переводоведении и психолінгвістической попыток выявить роль личной судьбы переводчика в выборе им переводческих стратегий и конкретных переводческих решений, а также необходимостью выявить формы взаимосвязи между личностью переводчика и создаваемым им переводным текстом.

Анализ предыдущих исследований и публикаций по теме. Тема лагерного опыта переводчика практически не исследована. Сделаны лишь

первые попытки в освещении этой темы в работах о творчестве украинского поэта и переводчика В. Стуса [1, с. 121-129; 12, с. 245-281; 15, с. 110-120].

Цель статьи – выявить возможные точки соприкосновения между судьбой переводчиков – бывших заключенных – и теми оригиналами, к которым они обращаются, а также переводческими стратегиями авторов стихотворных переводов и избираемыми ими переводческими решениями.

Изложение основного материала. Всякий перевод, в том числе и художественный (включая также и поэтический), представляет собой сложную форму креативной речемыслительной деятельности. Поэтому совершенно обоснованны попытки переводоведов и психолингвистов сблизить свои позиции и выйти на новый междисциплинарный уровень исследования – на уровень психолингвистической проблематики художественного перевода. В частности, к числу важных аспектов психолингвистического изучения перевода относится “сама способность переводить” или переводческая компетенция [8, с. 81; 16, с. 21]. К другому значимому кругу проблем художественного перевода с психолингвистической точки зрения относят факторы психологического характера, влияющие как на сам процесс межъязыкового перевода, так и на его результаты [2, с. 172–185].

К числу таких факторов правомерно, на наш взгляд, отнести и человеческую судьбу переводчика, которая неосознанно сказывается на его переводческой деятельности, в том числе на выборе произведений для перевода и на тех предпочтениях, которые он отдает тем или иным переводческим стратегиям и решениям.

По справедливому утверждению А.А.Леонтьева, характерной чертой любого вида перевода является заданность программы извне [4, с. 169]. Однако переводчик, работающий в сфере поэтического перевода, под влиянием особенностей своей личной судьбы может бессознательно вносить изменения в реализацию этой заданной извне программы, и эти модификации могут иметь результатом переводческие решения, в которых в той или иной мере и форме отражаются перипетии судьбы автора перевода. История художественного перевода (и в первую очередь перевода поэтического) знает немало случаев подобных модификаций переводного текста.

Если в предыдущие десятилетия переводоведы и психолингвисты говорили преимущественно о желательной близости переводчика к автору переводимого текста по чертам характера, взглядам, творческой манере, то сегодня вполне закономерно поставить вопрос о “близости” переводчика к конкретному переводимому тексту.

Исходный текст, как правило, изначально создается на основе четко определенных творческих интенций, которые реализуются в тексте. Однако с течением времени текст оригинала может постепенно расширять свои интенциональные горизонты: изменяющееся время – независимо от воли автора – привносит в его текст новые смыслы.

Так случилось, например, со знаменитым стихотворением Р.М. Рильке “Пантера”. Написанное еще в 1902 г. и задуманное как один из образцов созданного Рильке жанра, так называемого стихотворения-вещи, оно через десятилетия стало восприниматься несколько по-иному: на первый план вышла идея трагедии утраченной свободы, которая в силу обстоятельств оказалась

близкой миллионам узников концлагерей и тюрем в фашистской Германии и бывшем СССР. Приведем текст этого стихотворения и его подстрочный перевод:

Der Panther
Im Jardin des Plantes, Paris

Sein Blick ist vom Vorübergehn der Stäbe / so mud geworden, da? er nichts mehr halt. / Ihm ist, als ob es tausend Stäbe gabe / und hinter tausend Stäben keine Welt. / Der weiche Gang geschmeidig starker Schritte, / der sich im allerkleinsten Kreise dreht, / ist wie ein Tanz von Kraft um eine Mitte, / in der betaubt ein gro?er Wille steht. / Nur manchmal schiebt der Vorhang der Pupille / sich lautlos auf – . Dann geht ein Bild hinein, / geht durch der Glieder angespannte Stille – / und hort im Herzen auf zu sein.

Пантера

В зоологическом саду, Париж

Ее взгляд от мелькания прутьев / так устал, что ничего больше не удерживает. / Ей кажется, как будто прутьев – тысячи, / а за тысячами прутьев никакого мира нет. / Мягкий ход гибко сильных шагов, / который кружится в самом маленьком круге, – / как танец силы вокруг некой середины, / в которой оглушенной стоит большая воля. / Лишь иногда раздвинется занавес зрачка / беззвучно. Тогда какой-то образ входит, / проходит сквозь напряженную тишину членов / и в сердце перестает существовать.

Ниже мы вернемся к этому тексту.

Как известно, в Советском Союзе с 30-х годов и почти до середины 50-х годов случаи арестов, заключения и ссылки носили массовый характер, так что исключительные по своей природе события человеческой жизни в сталинскую эпоху стали обычными, почти нормативными, стали повседневными (ср.: [3, с. 171]).

Несмотря на то, что судьба каждого отдельного человека уникальна и неповторима [9, с. 202–203], мы вместе с тем можем говорить и об определенной общности судеб многих людей в социально-историческом плане. Массовые аресты людей в странах с тоталитарными режимами определяли общность судеб миллионов заключенных при всей уникальности участи каждого отдельного человека, ставшего жертвой государственного насилия.

В нашей работе слово “судьба” мы используем для обозначения истории жизни человека, оказавшегося в силу не зависящих от его воли обстоятельств в заключении, тюрьме, ссылке и вынесенного выпавшие на его долю тяготы, лишения, муки. В. Франкл, сам бывший узником фашистского концлагеря, называет его бездной и полагает, что “... лишь под ударами молота судьбы, в горниле страданий обретает жизнь свои содержание и форму” [9, с. 227; 10, с. 154]. При этом, разумеется, речь идет о судьбе, которую нельзя изменить, ибо пребывание в тюрьме, лагере, ссылке – это хотя и внешние, средовые, по определению И.С. Кона [3, с. 171], события жизни человека, тем не менее, они не подвластны воле человека – он не в состоянии их переломить.

Через горнило тюремных и лагерных страданий, через лишения долголетней ссылки прошли многие переводчики и среди них – переводчики, приведенного выше стихотворения Рильке. В книге “Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов “Пантеры” Р.М. Рильке на 15 языков” авторы приводят 33 перевода этого стихотворения на русский язык (сегодня число русских переводов “Пантеры” превышает пятьдесят) [14, с. 39–108]. Их авторами являются 34

человека (один перевод выполнен в соавторстве). Из этих 34 человек не менее семи имели тюремный, лагерный или ссылочный опыт. Таким образом, более пятой части всех переводов принадлежит людям, прошедшим через страхи, беды и унижения лагерной антицивилизации. Судьба каждого из этих переводчиков уникальна, и одновременно она в той или иной мере воспроизводит судьбу многих соотечественников. Мы приведем факты из жизни шести переводчиков Рильке на русский язык.

А.А.Биск (1883-1973) – первый переводчик Рильке. В 1919 году арестован ЧК. Освобожден благодаря тому факту, что его жена представила следователю сигнальный экземпляр переведенного Биском сборника: Р.М. Рильке. Собрание стихов. – Одесса: Омфалос, 1919, который послужил свидетельством “благонадежности” подследственного. В том же году эмигрировал.

С.В. Петров (1911-1988) был репрессирован в 30-х годах. Провел три года в тюрьме и двадцать лет в сибирской ссылке.

К.П. Богатырев (1925-1976) – в 1951 году был приговорен к расстрелу, который был заменен ему 25 годами лагерей. Освободился в 1956 году. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Р.М. Кесслер (1937) – после ареста отца вместе с другими членами семьи отправлен в ссылку. Семья вернулась в Ростов-на-Дону, где они до этого жили, после смерти Сталина.

К.М. Азадовский (1941). По сфабрикованному делу арестован в 1981 году и отправлен этапом в Магаданскую область. “Пантеру” перевел по памяти в колымском лагере.

Г. Ильин (1945). Родился в одном из лагерей Камышлага в Кемеровской области. Эмигрировал. Живет во Франции.

Теперь мы проследим, как личная судьба названных переводчиков отражается в избираемых ими переводческих стратегиях. Сопоставительный анализ позволил выявить определенные отличия, которые характеризуют переводы только упомянутых переводчиков. Так, лишь в переводе А. Биска, выполненном через 30 лет после ареста, мы обнаруживаем слово, производное от глагола “заключить”. Строку *in der betaubt ein gro?er Wille steht...* он перевел: “где дух великой воли заключен”. От избранного переводчиком лексического соответствия легко протягивается цепочка ассоциаций к словам “заключение”, “заключенный”. Как пишет Т.Г. Пшёнкина, “слово, социальное по природе (М.М. Бахтин), живое, пластичное и гибкое появляется в коммуникативном акте со шлейфом вобранных в него голосов и интенций, прошлых контекстов, представлений и ассоциаций [7, с. 129]”. Слово “заключен” тоже вобрало в себя голоса эпохи и сегодня напоминает о ней читателю.

Только у двух переводчиков – С. Петрова и К. Азадовского – мы находим эпитет “звериный”. В оригинале нет слова, которое давало бы основание для такого переводческого решения, но дериват от существительного “зверь” возникает в переводах этих бывших заключенных. Можно предположить, что в этом эпитете нашло выход отложившееся в их подсознании представление о звериной по сути природе государственного насилия.

В связи с творческой судьбой С. Петрова, начавшего публиковать свои переводы лишь после возвращения из ссылки, следует подчеркнуть следующее обстоятельство. Как обоснованно утверждает И. С. Кон, в гитлеровской Германии А. Эйнштейн не смог бы стать великим физиком, поскольку и он сам,

и стиль его теоретического мышления были несозвучны эпохе [3, с. 175-176]. Отдавая себе отчет в условности всяких исторических параллелей и в “разнокалиберности” имен, мы, тем не менее, можем говорить, что в 30-е годы С. Петров также не смог бы стать известным переводчиком Рильке, так как в СССР в то время на творчество Рильке был наложен негласный запрет и переводить его осмеливались только “в стол”.

Ни в одном другом переводе, кроме перевода К. Богатырева, не использовано причастие “погребена”: “воля... погребена”.

Единственно в переводе Р. Кесслера мы читаем о том, что “пантера потерянную волю ... не может... отыскать”.

В переводе же Г. Ильина вся первая строфа, а вместе с ней и все стихотворение подняты на иной уровень – на уровень антропологический. В ней фактически идет речь о лишенном свободы человеке: “Весь в многократно отраженных прутьях, / Ничью печать не различает взгляд, / Как будто всюду прутья на распутьях / Единственным решение стоят”.

Личная судьба переводчика, познавшего, что такое неволя, при переводе этого стихотворения словно подготавливает его к таким решениям, избрание которых переводчиками с иной судьбой маловероятно.

Обратимся теперь к украинским переводам “Пантеры”. Из 6 переводчиков этого стихотворения на украинский язык трое также имели тюремный и лагерный опыт – М. Орест (1901-1963), Б. Кравцов (1904-1975) и В. Стус (1938-1985).

В переводе М. Ореста, дважды арестовывавшегося НКВД, каких-либо переключек с судьбой заключенного, а затем и военнопленного уловить не удастся (кроме самого обращения переводчика к этому произведению).

В переводе же Б. Кравцова обращает на себя внимание эпитет “хижий”, который не имеет соответствия в оригинале, но возникает в тексте перевода как отголосок хищного характера системы концлагерей в Германии и СССР.

В переводе В. Стуса, выполненном в неволе (подробнее об этом см.: [13, с. 63–70]), доминирует слово “грати”, обозначающее одну из основных категорий судьбы этого узника совести: “Йому несила втоми подолати / од миготіння нескінченних ґрат. / Неначе світ – це грати, грати, грати / помножені в очах увостократ...”. В работе одного из соавторов данной статьи отмечалось, что стусовский перевод “Пантеры” – это психологический автопортрет переводчика-узника, который не в состоянии преодолеть усталость, переводчика-узника, для которого весь внешний мир свелся к прутьям на окнах и воротах. Но в его переводе ощутима и та большая воля, которую подовать не может никто. Ощутима воля непокоренного человека [13, с. 68–69].

Приведенные нами лингвистические факты подтверждают мысль Л.С. Макаровой о том, что “в иноязычном варианте оригинала непременно присутствуют те или иные личностно обусловленные проекции и рефлексии, в которых находят отражение ценности, установки и мотивы переводчика как личности и субъекта деятельности [5, с. 19]”.

Таким образом, переводчики тем или иным способом актуализируют опыт своей жизни, трудные уроки своей судьбы. В подобных случаях происходит частичная персонализация перевода – в нем проявляется отложенная во времени личностная реакция переводчика на пережитое (ср.: [11, с. 277–280]).

Известный армянский переводовед Л. Мкртчян охарактеризовал эту

ситуацию следующим афористическим тезисом: “Переводчики переводят время на язык литературы [6, с. 451]”.

Необходимо заметить, что переводы, которые мы рассмотрели, отличаются высокой степенью воольности. Можно высказать осторожное предположение, что в этом тяготении к вольным переводам отражается неутоляющее стремление переводчика-сидельца к освобождению от диктата оригинала, к свободе собственного поэтического слова. В. Франкл имел все основания образно назвать судьбу полигоном для человеческой свободы [9, с. 210]. Однако вызывает сожаление тот факт, что читатель о причинах подобных отклонений от оригинала не догадывается. Судьба переводчика, пережившего ГУЛАГ или немецкие концлагеря, остается только его судьбой, но он неосознанно делится ею с читателями.

Выводы. Ассоциативные связи, возникающие между личным опытом переводчика и избираемыми им стратегиями переводческой деятельности, а также конкретными переводческими решениями, не носят обязательного характера, однако они могут проявляться и свидетельствовать о перипетиях судьбы переводчика. Эти связи не всегда легко уловимы, однако тщательный сопоставительный анализ оригинала и перевода позволяет выявить их, прежде всего, на лексическом уровне.

Перспективы дальнейшего изучения темы. При анализе художественных переводов важным представляется, помимо прочего, изучение биографии не только переводимого автора, но и переводчика данного произведения и тех особенностей его переводческих стратегий, которые можно ожидать исходя из особенностей личной судьбы переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борецкий М. Василь Стус як перекладач поезій Райнера Марії Рільке // Райнер Марія Рільке й Україна. Наукові студії про Р.М. Рільке. Переклади його творів. – Вип. 1. – Дрогобич: Вимір, 2002. – С. 121–129.
2. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. (Очерк лингвистического учения о переводе). – М.: Изд-во “Международ. отношения”, 1973. – 216 с.
3. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
5. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – 256 с.
6. Мкртчян Л. Мы жаждем взаимопонимания // Художественный перевод: Вопросы теории и практики. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1982. – С. 450–465.
7. Пшёнкина Т. Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 240 с.
8. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 444 с.
9. Франкл В. Общий экзистенциальный анализ // Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 157–283.
10. Франкл В. Психолог в концентрационном лагере // Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 130–156.
11. Харитонов Е. В. Языковая личность автора в преломлении на языковую личность переводчика (на материале перевода произведения А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ” на английский язык) // Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: ПГПУ, ПДЗ, 2005. – С. 277–280.

12. Цибенко Л. Р. М. Рільке і В. Стус: феномен кон'єніальності // Райнер Марія Рільке й Україна. Наукові студії та переклади з Р. М. Рільке. – Т.2. – Дрогобич: Коло, 2005. – С. 245–281.
13. Чайковский Р. Р. Рильке за колючей проволокой (об одной трагической странице украинской рилькеаны) // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та (г. Магадан). Вып. 1: Р. М. Рильке / Гл. ред. Р. Р. Чайковский. – Магадан: Кордис, 2000. – С. 63-70.
14. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов “Пантеры” Р.М. Рильке на 15 языков. – Магадан: Кордис, 2001. – 211 с.
15. Чайковский Р. Рильке за колючим дротом (про одну трагічну сторінку української рилькеани) // Райнер Марія Рільке й Україна. Наукові студії про Р.М. Рільке. Переклади його творів. – Вип. 1. – Дрогобич: Вимір, 2002. – С. 110–120.
16. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

УДК 808.2

ВІДОБРАЖЕННЯ СВОЄРІДНОСТІ МОВНОЇ СВІДОМОСТІ УКРАЇНЦІВ У ПАРЕМІЙНІЙ КАРТИНІ СВІТУ: ОМОВЛЕННЯ КОНЦЕПТУ СУДДЯ

Богдана Юськів
(Львів, Україна)

У статті розглядаємо концепт суддя, що є репрезентантом концептосфери права. Аналіз здійснюється у межах паремійної мовної картини світу українців. Виокремлено низку смислів зазначеного концепту, що характеризують правосвідомість українця як невід'ємну частину української ментальності.

Ключові слова: концепт, паремійна мовна картина світу, мовна свідомість, концептосфера права, ментальність.

В статті розглядається концепт судья, репрезентуючий концептосферу права. Аналіз здійснюється в межах паремійної мовної картини світу українців. Виокремлено низку смислів зазначеного концепту, що характеризують правосвідомість українця як невід'ємну частину української ментальності.

Ключевые слова: концепт, паремийная картина мира, языковое сознание, концептосфера права, ментальность.

The article considers the concept judge that represents the law conceptosphere. Analysis is carried out within the paremia world language picture of Ukrainians. A number of meanings of the mentioned concept characterizing legal consciousness of Ukrainians as an integral part of Ukrainian mentality is singled out.

Key words: concept, paremia world language picture, language consciousness, law conceptosphere, mentality.